

У.К.Абишева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: Abisheva_O@mail.ru)

Новые тенденции в романе начала XX века (на примере романа Б.К.Зайцева «Дальний край»)

В статье исследованы художественные особенности романа Б.Зайцева «Дальний край». Роману присуща деэпизация, выразившаяся в том, что основное внимание художника сосредоточено не на исторических событиях, социальных катаклизмах эпохи, а на внутренней жизни, чувствах главного героя. Под влиянием модернизма в реализме начала XX века повышается интерес к собственно личностному существованию, субъективному, частному, формирующему сложный мир личности. Неореалистическая проза этого периода утверждает личность как центр, основу всего, уйдя от социальных вопросов, углубляясь во внутренний мир человека.

Ключевые слова: художественные особенности, неореализм, модернизм, роман, деэпизация, внутренний психологизм, мир личности.

Роман «Дальний край» (1913) Б.Зайцева вызвал много откликов в дореволюционной критике. Первая волна критических отзывов на роман, появившаяся на страницах журналов после его опубликования, содержала достаточно разноречивые оценки. Хотя авторы статей не анализировали его подробно, ограничиваясь общими оценками, отзывы отражают попытки первоначального идейно-философского и художественно-эстетического разбора произведения. Действие в нем, как известно, проходит на фоне трагических событий русской истории, революции 1905 года, но внимание художника сосредоточено на внутреннем мире своих персонажей, на их размышлениях, эмоциях, увлечениях. Это, в первую очередь, и послужило причиной нападков на писателя критиков самого разного толка, от марксистов до либералов, упрекавших писателя в том, что ему не под силу объективно выразить действительность, реальную ситуацию революционного движения 1900-х годов в России.

Одним из первых на новое произведение откликнулся В.Кранихфельд, опубликовавший статью в журнале «Северные записки» за 1913 г., затем с небольшими дополнениями перепечатанную в «Современном мире» за тот же год. Сопоставляя новый (и к тому же первый) роман художника с малой прозой предыдущих лет, критик признавал, что «в рассказах он (Б.Зайцев. — А.У.) подкупает современного читателя нежной лирикой своей женственности, мистически настроенной души и задушевной интимностью рисунка» [1;140]. Роману, отмеченному характерными чертами ранней прозы, критик дал отрицательную оценку, упрекая автора в недостаточно глубоком изображении современной исторической действительности. По мнению критика, слабость произведения заключалась в том, что герои даны «на чрезмерно грандиозном фоне революционных событий, пригодном более для эпопеи, чем для тонких психологических арабесок души <...>. «Если бы Зайцев достаточно разработал фон, эта соразмерность была бы скрыта», — писал он [1;140].

Если «Северные записки» дали сдержанную оценку романа, то критик «Заветов» В.Львов-Рогачевский, стоявший на позициях социал-демократической критики, объявил роман неудачей автора, не понявшего сущности революции 1905 года. Немаловажную роль в его оценке сыграли размышления об идейной направленности романа. Слабой стороной романа, по мнению автора, был уход «к иной действительности», от «бурной эпохи к тихим религиозным настроениям» (*курсив автора.* — А.У.): «Он (Б.Зайцев. — А.У.), так же, как и другие культурные работники модернизма, попытался изобразить русскую революцию; так же, как они, забыл упомянуть главного героя приснопамятной эпохи — рабочего, но он сделал больше: он до неузнаваемости изменил лицо эпохи. Покурил ладаном, спел свое «Свете тихий», утихомирил буйных героев, заставил, кого умереть, кого постареть и успокоиться, против Маркса выдвинул Владимира Соловьева, против мятежной борьбы — служение и кротость, и от революции ничего не осталось» [2; 76–77]. Сюжет представлялся критику вялым и чрезмерно «забытовленным», отнюдь не цементирующим идейно-образный материал романа, образы казались во многом вторичными, характеры, начиная с главного героя, — бледными, невыразительными. По мнению В.Львова-Рогачевского, «художник, занятый исключительно внутренним миром героя, изображая революцию, *«прошел мимо революции»*. Его личное настроение совер-

шенно не совпало с тем общественным подъемом, о котором он говорит в своем романе» (*курсив автора*. — А.У.) [2;76].

В противоположность приведенным выше откликам обширная статья Н.Коробки, вышедшая в «Вестнике Европы», была весьма благожелательной. В отдельных элементах реалистического романа Зайцева критик увидел влияние модернизма. Размышляя об «особом реализме» Б.Зайцева, автор называл произведения художника неореалистическими. Этот синтез, по мнению исследователя, определил основные черты его поэтики. Но даже в этой статье, содержащей в целом высокую оценку романа, обнаруживающей глубокое знание критиком ранее написанного Зайцевым, звучал упрек автору в ограниченном охвате жизни, и давалась оценка романа как произведения далекого от современности, от русской жизни 1900-х годов и ее истории. Критик также отметил неудачно выбранный фон всего произведения — русскую революцию 1905 года. В.Голиков в своем годовом обзоре литературы ограничился лишь указанием на то, что «Великую книгу Пана он (*Зайцев*. — А.У.) перестал читать, как в первых лучших своих романах. Мы его видим теперь с Библией, Евангелием и Толстым в руках. Пантеист стал христианским морализатором» [3]. Иванов-Разумник, анализируя произведение, подошел к нему с мерками романа XIX века, увидел в «Дальнем крае» не роман, а «отдельные картины, отдельные эпизоды, любовно освещаемые «тонкими лучиками зайцевского дарования» [4]. По мнению критика, характеры в романе даны не в движении, а в статике.

Чем же было обусловлено это начальное почти единодушное неприятие романа современной писателю критикой? В его интерпретации и оценке совпали мнения совершенно разных по своей идейно-художественной ориентации критиков. Расходясь в деталях, почти все критики упрекали автора в недостаточно точном и глубоком изображении современной исторической действительности (прежде всего событий революции 1905 года). Это, в первую очередь, и послужило причиной нападок. Например, характерно резкое замечание В.Кранихфельда о том, что Б.Зайцев в своем романе «вздумал окончательно посрамить революцию, уже и без того низведенную им до степени кутерьмы» [5]. Очевидно, что подобная оценка романа была недостаточно обоснованной. Критика начала XX в. ограничивала рассмотрение романа только как эпического полотна о революции 1905 года, тем самым лишая себя возможности проанализировать его объективно. Представляется, что такой подход к роману Б.Зайцева был ограниченным, так как не выявлял специфики художественного мировосприятия автора. Идейные и эстетические пристрастия критиков предопределяли неадекватность их трактовок авторским интенциям, даже полярное их расхождение. Поэтому специфические черты художественного мышления автора в критике начала XX в. оказались нераскрытыми, она не увидела качественного отличия произведения от классического романа XIX в.

Замечания о романе современных исследователей являются более глубокими. Т.Прокопов пишет о лиризме как особом качестве прозы Б.Зайцева [6]. В.Т.Захарова связывает особенности романного мышления Б.Зайцева с лирико-импрессионистическим типом художественного сознания, обусловившим ракурс изображаемого и композиционные особенности романа [7].

С нашей точки зрения, Б.Зайцев в «Дальнем крае» преодолевает эпические романские традиции XIX в., не отказываясь, однако, от них совсем. В раннем романе писателя нашли отражение некоторые важные моменты художественного мышления, когда новое соотношение между личностью и историей определило собой тенденцию в развитии романа XX в., выразившуюся прежде всего в том, что основное внимание художника в произведении сосредоточено не на исторических событиях, социальных катаклизмах эпохи, а на внутренней жизни, чувствах главного героя.

Исследователи романа, размышляя об эволюции жанра в XX в., по-новому рассматривают соотношение в нем человека и мира: «Новое соотношение между личностью и историей — вот что определяет тенденцию в развитии романа. Изменение его «ценностного центра» заставляет по-новому взглянуть на проблему «эпос и роман», — пишет С.Донченко. В романе XX в., с точки зрения исследователя, «происходит расковывание человеческой личности, расширение сферы ее духовной деятельности, и это находит отражение в литературе. В центре внимания оказывается человеческая индивидуальность» [8]. Эти же черты, сопоставляя литературу XX века с предшествующим периодом, отмечает Н.Лейтес: «Реализм XIX в. был направлен прежде всего на познание социальной природы человека, углубление в психологию личности как социально обусловленной особи было одной из ведущих линий развития его развития. В реализме XX века большую роль играет постижение изменяющегося мира, осмысление взаимодействия личности с человеческим космосом. Человек осознается в более разветвленной и сложной системе связей» [9].

Роман был опубликован в 1913 г., когда в литературе было значимо влияние модернизма, воздействие которого на реализм выразилось в значительных жанровых модификациях. Так, в «Дальнем крае» ощутима тенденция деэпизации романа XX в. [10]. Под влиянием модернизма в реализме начала XX в. повышается интерес к собственно личностному существованию. «Дальний край» отмечен интересом к личному, субъективному, частному, формирующему сложный мир личности. Неореалистическая проза этого периода утверждает личность как центр, основу всего, уйдя от социальных вопросов, углубляясь во внутренний мир человека. Пристальное внимание к микропроцессам в жизни и психике людей расширило ее психологические параметры, оказалось плодотворным для литературы XX в. в целом. Новые тенденции в романе начала XX в. были обусловлены развитием прозы конца XIX в., творчеством Гаршина, Короленко, Чехова, привнесших в реализм начала XX в. внимание к собственно личностному существованию, когда особое значение приобрело собственное мироощущение писателя. Художник в своих произведениях отходит от исторического, социального аспектов человеческого существования. Внутренний мир человека является особой центральной сферой, объектом художественного отображения, внешний мир при этом также «присутствует», но несколько по-иному, он не доминирует, «смещен» на задний план. Этот мир не содержит детального описания исторической обстановки или общественной среды.

Как и в творчестве модернистов, мир человека в неореалистической прозе предстает как его внутренний мир, являясь проекцией внешнего мира. В центре романа Зайцева находится герой, в большей или меньшей степени соприродный самому автору. Главный персонаж романа Петр Лапин несет многие черты его облика. Отсюда вытекает органичный художественному миру «Дальнего края» автобиографизм. Лирическая тональность, эмоциональная окраска, присутствие элементов эпического, в основном в «подчиненном» варианте, — это все стилевые черты раннего романа Зайцева. «История души» героя как важное свойство лирической прозы совмещена, сочетается с историей его жизни. Возникает форма некоего нового стилизованного качества — лирико-автобиографического повествования, в котором ощутимо усиление роли лирического начала. Фабульная сторона романа значительно редуцирована. Повествователь в своем интересе к событиям духовного порядка почти игнорирует возможность пластического, конкретного изображения окружающего мира. Таким образом, сюжет «Дальнего края» воплощается в форму эмоционально окрашенных размышлений, в которых жизнь представлена в патетике напряженных поисков смысла истории, любви и творчества.

Усилению личностного начала способствовало то, что сферой исследования писателя становятся интеллектуально-чувственные переживания героев. Художественные описания содержат тонкий психологический анализ. Внутренний мир героя вызывает главный интерес художника, является ядром художественного образа. Эта тенденция романа начала XX в. будет ярко выражена впоследствии в «Жизни Клима Самгина» М.Горького, позднее — в «Жизни Арсеньева» И.Бунина и «Докторе Живаго» Б.Пастернака, где авторы также сосредоточивают внимание не столько на значительных исторических событиях, сколько на внутреннем мире своего персонажа. Названные произведения свидетельствуют, что жанр романа в прозе XX в. стремится расширить свои возможности, ведет поиски новых форм, отвечающих более точному художественному анализу и воспроизведению современности [11].

В облике Петра Лапина отразились духовные черты передовой русской интеллигенции. Герой Зайцева размышляет о жизни, ищет опору в незыблемых вечных ценностях: любви, дружбе, христианских идеалах, внимание автора приковано к интенсивным внутренним переживаниям, к духовным поискам героя. Отсюда и возникли обвинения в адрес писателя в некоторой камерности мировосприятия, сосредоточенности на индивидуальном, своеобразном «минимализме» круга поднимаемых проблем.

Эти качества в творчестве художника присутствовали и раньше. Так, К.Мочульский, характеризуя раннюю прозу писателя, отмечал: «У Б.Зайцева лирический строй души проявлен еще выразительнее: он преодолевает и форму (проза, бытовой рассказ) и фабулу. Трагедия до конца переплавлена в лирику». <...> Лирические рассказы Зайцева построены на этом — едва ли сознательном — контрасте между «вихрем» ненавистной жизни и неподвижным светом души. Единая тема — романтически-мечтательная, некровно-зыбкая — развивается вопреки сюжету [12]. Вся композиция романа подчинена логике внутреннего движения характера, отражает прежде всего духовный рост героя. Действие в романе разворачивается на узком, «неэпическом» пространстве, в то время как фон эпичен, насыщен историческими событиями. Но Б.Зайцева не заботит широкий событийный фон, он не ставит задачей описать детально историческую эпоху.

Художник показывает нравственно-психологическое формирование героя, процесс его самопознания и постижения мира. В романе значим мотив неповторимости, уникальности человеческой жизни. Основные его темы — молодость, водоворот светлых чувств зарождающейся любви, счастья, все, чем полны молодые души. Герои романа размышляют о народе и истории, личности и искусстве, жизни, любви, ищут ответы на волнующие их вопросы. Деятельность студенческих кружков, политические дебаты в университете, литературные дискуссии о Некрасове, Уайльде, Бальмонте, МХАТе, лекции о «новом искусстве», богемный образ жизни в художественных кругах воплощают насыщенную атмосферу времени. Возросшая чувствительность и тонкость мироощущения, глубокое проникновение в индивидуальное сознание компенсировали в значительной степени «пренебрежение» социальным бытием человека. Передавая сложность, разнородность, многоликость форм современного бытия, роман Б.Зайцева подчеркивает не меньшую значимость внутреннего мира человека.

Художник показал героев в те дни, когда человеческое счастье переполняет сердце, он описывает счастливое, радостное творческое возбуждение, являющееся стихией молодости. Герой Б.Зайцева стремится понять, что соединяет людей между собой. Он понимает, что чувственность неотделима от чувства, но без гармонизации духа и плоти не может быть полного счастья. Когда чувственность, страсть в отношениях между мужчиной и женщиной основываются только на физиологическом влечении, то не происходит слияния душ, что приводит к горьким разочарованиям, даже трагедии. Все очень быстро меняется, союзы слабеют и распадаются на глазах героев. Только Пете Лапину с Лизой дается нераздельное ощущение мира. Также он понимает, что человеку, стремящемуся к цельности, к полноте существования, необходимы точки опоры в мире, и находит их в творчестве, дружбе, любви, христианском вероучении. Зайцев показывает Лизу, возлюбленную героя, в счастливом, радостном возбуждении, бывшем ее стихией, подчеркивает ее страстность. Все в ней — свет, он пробивается во всем облике героини, глазах, волосах, коже, общем облике. Лиза всегда находится в веренице дел и забот. Ее молодая душа всегда готова на самопожертвование, она трогательно заботится о близких, друзьях, больной Клавдии и ее ребенке.

Автором с любовью показана Москва начала XX века: старомосковские улицы и бульвары, Молчановка, Собачья площадь, Никитская, Тверской бульвар, Манежный, Газетный, Кузнецкий, Филипповский переулки. В романе Зайцева вычлняются ключевые, часто встречающиеся на страницах романа образы соборов, храмов.

Роман «Дальний край» отличается многофокусностью, калейдоскопичностью «оптики». В нем не одна точка зрения, он содержит конгломерат позиций, с равной степенью позволяющих обозреть романное пространство. Вглядываясь в происходящее вокруг, Петр Лапин понимает, что энергия революционного разрушения, выделившаяся в результате несправедливости и неподвижности существования мира, обращена против человека и творческой личности как таковой. Иная точка зрения на происходящее у Степана, считающего обновление мира делом жизни, своим призванием, фанатично преданного идее революционного преобразования мира. Параллель сюжетных линий Петра Лапина и Степана важна для понимания главной идеи романа. Сопряжение этих двух «центров» романа очевидно, они сочетают в себе внутреннее единство и в то же время содержат абсолютную противоположность.

Как и Петр, Степан, пытающийся разрешить для себя важные вопросы, размышляет о жизни, предназначении человека. Его волнует неблагополучие мира. В начале пути он еще не совсем отчетливо видит смысл и свое предназначение. Затем его все больше увлекает идея активной классовой борьбы, революционного террора. Степан мечтает о большом жизненном деле. Он участвует в работе революционных кружков, в студенческих волнениях, демонстрации, затем связывает свою деятельность с работой террористической организации. Невероятный энергетизм Степана привлекает к нему людей, но его психологическая драма, болезненная страстность природы проявляются в чувстве тягостной несоединимости с любящими его женщинами. Так, он не смог дать счастья Клавдии, а затем хрупкой, юной Верочке, которая всей душой потянулась к нему. Степан обречен в своей попытке вырваться из круга одиночества. О Клавдии, искренне любившей Степана, после коротких счастливых минут рядом с любимым автор замечает: «У нее было смутное желание — замереть так, остановиться, ничего больше не знать и не видеть — все равно, лучшего не узнаешь» [13]. В этой фразе — предощущение героиней своей несчастливой женской судьбы. О Степане Н.Коробка верно заметил: «В нем нет непосредственного чутья жизни. Быть может, потому он так упорно любит Лизавету, в которой этого чутья много. Несмотря на кажущуюся цельность, в Степане несомненно есть двойствен-

ность» [14]. Действительно, Степан ощущает свое одиночество снова и снова. Духовное возрождение героя начинается в Италии. Его прежнее сочувствие к народу, к угнетенным освещается небесным светом любви к Евангелию, к Христу. Степан не отказывается от своих взглядов, но после долгого тяжелого духовного кризиса, наступившего после тяжелой драмы на площади, он приходит к отрицанию террора.

В раннем произведении Зайцева проявился новый тип романа XX века, нашли отражение внутрижанровые тенденции, обусловленные влиянием модернизма. В нем значимо настоятельное стремление к погружению в сферу внутреннего бытия. В характеристике человека определяющей для автора является эмоциональная сфера.

Художник концентрирует внимание на нравственно-психологических проблемах, отходит от человека социального, обращая свое внимание на многомерность его экзистенциальных проявлений. Новые качества романа «Дальний край» обусловлены своеобразным синтезом в нем черт модернистского романа (символистского) и реалистической тенденции. Способом расширения границ реализма явились художественные приемы символизма (суггестивность, символизация). Эти черты определили общее направление развития неореалистической прозы, стремившейся к обновлению поэтики.

Список литературы

- 1 *Кранихфельд В.* Новый роман Бориса Зайцева // Северные записки. — 1913. — № 7. — С. 140–146.
- 2 *Львов-Рогачевский В.* Новая русская проза. — М., 1919. — С. 76–80.
- 3 *Голиков В.Г.* Литература за год // Вестник знания. — 1915. — № 1. — С. 44.
- 4 *Р.В.Иванов-Разумник.* Литература и общественность. Дальний край. (О романе и рассказах Б.Зайцева) // Заветы. — 1913. — № 6. — С. 10.
- 5 *Кранихфельд В.* Литературные отклики // Современный мир. — 1913. — № 11. — С. 227.
- 6 *Прокопов Т.* Лиризм Б.К. Зайцева как эстетический феномен // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. II Междунар. Зайцевские чтения. — Калуга, 2000. — С. 3.
- 7 *Захарова В.Т.* Лейтмотив в поэтике Б.Зайцева (роман «Дальний край») // Грехневские чтения. — Н.Новгород, 2001. — С. 23–30.
- 8 *Донченко С.* Современный болгарский роман // Вопросы литературы. — 1980. — № 12. — С. 33.
- 9 *Лейтес Н.* Углубление психологизма в романе социалистических стран // Роль прогрессивных литературных традиций в развитии и взаимообогащении социалистических культур. — М., 1986. — С. 15.
- 10 *Анастасьев Н.* Диалог. Советская литература и художественный опыт XX века // Вопросы литературы. — Вып. 3. — М., 1983. — С. 72.
- 11 *Мальцев Ю.* Иван Бунин: 1870–1953. Frankfurt / Main; М., 1994; *Колобаева Л.А.* Феноменологический роман в русской литературе XX века // Вопросы литературы. — 1998. — № 3. — С. 132–144.
- 12 *Мочульский К.В.* Борис Зайцев. Улица св. Николая. Рассказы 1918–1921 // Мочульский К. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. — Томск, 1999. — С. 351.
- 13 *Зайцев Б.* Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. (6–7 т. доп.). — Т. 2. — М., 2001. — С. 407.
- 14 *Коробка Н.* Зайцев. Критический этюд // Вестн. Европы. — 1914. — № 9 (2) — С. 312.

У.К.Әбішева

XX ғасырдың басы романындағы жаңа үрдістер (Б.К.Зайцевтың «Алыс аймақ» романы мысалында)

Мақалада Б.Зайцевтың «Алыс аймақ» романының көркем өзгешеліктері зерттелді. Романда дэпизация үрдістері сезіледі. Суретшінің негізгі көңілі тарихи оқиғадан және заманның әлеуметінен басты кейіпкердің ішкі өміріне ауысады. XX ғасыр басында модернизмнің реализмге әсері негізінде адамның ішкі дүниесіне қызығушылық арта түседі. Осы кезеңдегі неореализмнің прозасы тұлғаны өнердің негізі, орталығы ретінде бекітеді.

New tendencies in the novel of the beginning of the XX century (B.K.Zaytsev's novel «Far-away country»)

Belles features of the novel of B.Zaytsev «Far-away country» (1913) are investigated in the present article. The deepization is inherent to the novel as it has drawn the main attention not to historical events and social cataclysms of the epoch but to the internal life and feelings of the protagonist. Realism of the beginning of the XX century under the impact of modernism influences on the increase of the interest to personal, subjective and private existence forming the complicated world of personality. The neo-realist prose of this period confirms personality as the center, a basis of everything leaving social issues, get involved in the inner world of the person.

УДК 82.0

Т.Т.Савченко, К.В.Безкоровайная

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букедова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Текст и контекст стихотворения И.Бродского «В деревне Бог живет не по углам...»

Стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...», являющее яркий пример творчествообразующих поисков раннего Бродского, исследовано с точки зрения его материально зафиксированной стороны — текста, а также внетекстовых связей — контекста. Анализ контекста более целесообразен для глубокого понимания специфической манеры Богопознания И.Бродского, так как отграниченная структура текста не дает полного представления о содержании стихотворения.

Ключевые слова: текст, контекст, интертекст, лирический субъект, христианство, идиома, отграниченность.

Интерпретация текста как основополагающего понятия гуманитарного знания входит в число наиболее актуальных проблем филологических исследований. Мы исходим из определения понятия «текст» в его структурном и культурологическом аспектах, при этом уделяя большое внимание внетекстовым связям.

Понятие «текст» в его художественной ипостаси есть «материально зафиксированная сторона литературного произведения» [1; 43]. Анализируя текст стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...», мы исходим из структурно-семантического подхода Ю.Лотмана, который в его основу кладет принцип взаимообусловленности трех составляющих: выраженность, отграниченность, структурность.

Важную роль в понимании содержания понятия «художественный текст» играет культурологическая концепция М.Бахтина. Этим ученым текст рассматривается как «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [2; 282]. Характеризуя текст как высказывание, которое имеет «субъекта, автора», ученый сосредоточивает внимание на том, что обозначил «истинно творческий текст», являющий собой «свободное откровение личности: смысл текста в том, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [3].

Иную интерпретацию понятия «текст» предлагает Ю.Лотман, считая его первоосновой гуманитарного логоса. Рассматривая культуру как «механизм роста информации» [4; 134], как «совокупность текстов или сложно построенный текст», он утверждает, что текст по своей природе обладает авторитетностью, что он истинен по сути, что возможность быть ложным для него исключается: «Ложный текст — это такое же противоречие в терминах, как ложная молитва, клятва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста» [4; 136].

Под выраженностью текста Ю.Лотман понимает его зафиксированность в знаках естественного языка, и в известном смысле противопоставляет ее внетекстовым структурам. Тексту присуща внут-